

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

DOI: 10.15372/HSS20190402
УДК 94(571.1)"17"

Д.С. БОБРОВ

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ И ВЕДОМСТВЕННЫХ ВОЕННЫХ ВЛАСТЕЙ В КУЗНЕЦКОМ УЕЗДЕ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ СЕРЕДИНЫ XVIII в.

Алтайский государственный университет,
РФ, 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61

В статье предпринят историко-генетический анализ взаимоотношений местных гражданских и дислоцированных в Кузнецком уезде в конце 30-х гг. – первой половине 40-х гг. XVIII в. ведомственных военных властей в ходе освоения региона и развития здесь административно-политического процесса. Источниковую основу исследования составили еще не введенные в научный оборот делопроизводственные материалы из фондов Российского государственного архива древних актов. Анализируются характер и практики управленческих коммуникаций командиров «кузнецких» рот Новоучрежденного драгунского полка с уездными воеводами и приказчиками острогов и слобод; в качестве наиболее острых выделяются вопросы административного подчинения, снабжения гарнизонных команд, выдачи соли. Автор приходит к выводу о скрытой конкуренции между различными ветвями власти: так, уездная, пользуясь отсутствием четких законодательных разграничений, с целью сохранения собственных статусных позиций оказывала давление на военных командиров, а, они, в свою очередь, демонстрировали разные модели поведения в отношении гражданских структур.

Ключевые слова: система управления, воеводы, приказчики острогов и слобод, регулярные войска, Новоучрежденный драгунский полк, Кузнецкий уезд, Верхнее Приобье, Бийская крепость.

D.S. BOBROV

RELATIONSHIP BETWEEN CIVIL AND DEPARTMENTAL MILITARY AUTHORITIES IN KUZNETSK UYEZD AT THE EARLY STAGE OF ADMINISTRATIVE TRANSFORMATIONS IN THE MID XVIII CENTURY

Altai State University,
61, Lenin str., Barnaul, 656049, Russian Federation

The article deals with the historical and genetic analysis of the relationship between local civil and departmental military authorities deployed in Kuznetsk Uyezd in the late 1730s – early 1740s within frameworks of the regional colonization, administrative and political processes. The research is based mainly on documents of records management from the fonds of the Russian State Archive of Ancient Acts. Most of these documents have not been previously introduced into scientific circulation.

Soon after the Newly formed dragoon regiment's creation in Siberia, three companies of the formation were officially redeployed – to Kuznetsk, but in fact they were situated in the Biysk Fortress area; their commanders holding the ranks of Mayor and Captain interacted with the civil

Денис Сергеевич Бобров – канд. ист. наук, доцент, Алтайский государственный университет, e-mail: bds-eureka@yandex.ru
Denis S. Bobrov – Candidate of History Sciences, Associate Professor, Altai State University.

administration system represented by voivodes and prikazchiks. Initially the most urgent problem was the provision of garrison, which was not solved by the uyezd authorities and shifted onto ostrog chiefs, and, as a result, on local peasants, that caused protests among the poll-tax paying population.

When V. Sokolov, the Kuznetsk companies' commander, was redeployed to Kolyvan-Voskresensk plants region, the lieutenants remaining at the outposts in ostrogs and slobodas began to appeal not to their immediate military commanders but to the Kuznetsk voivode office to make important decisions. They sought some administrative patronage there despite the fact that the voivode office gave obvious priority to more rudimentary system of prikazchiks. The uyezd authorities controlled the state of troops left in Upper Priobie, purchased hay and even supplied the troops with horses.

However, the excessive model of administrative communications did not last long and the next military commander A. Bibikov held a course for centralization and started to make numerous demands of the uyezd center. The main point of controversy was salt.

The personality factor was key one in building relationships between the civil and military authorities under conditions of legislative misregulation in Kuznetsk Uyezd in the late 1730s – mid 1740s.

Key words: management system, voivodes, prikazchiks in ostrog (fortresses) and slobodas (rural settlements), regular army, Newly formed dragoon regiment, Kuznetsk Uyezd, Upper Priobie, Biysk Fortress.

В первой половине XVIII в. южные районы Западной Сибири стали ареной одновременного налогообложения, взаимосвязи и противоборства разнородных социально-политических процессов, сопровождавших имперскую колонизацию, которая в короткие сроки приобрела интенсивный характер. Начало активной промышленной разработки и эксплуатации руд предгорий Алтая совпало с усилением военно-политической роли Джунгарского ханства, претендовавшего на большую часть Обь-Иртышского междуречья. Конвергенция столь многогранных составляющих предопределила более-менее целостное оформление структурных элементов сразу нескольких управленческих вертикалей: гражданской, замыкавшей наиболее широкие полномочия на губернаторе, а на уровне уезда представленной квазиерархией «воеводы – приказчики острогов и слобод»; промышленно-ведомственной, ключевая роль в которой принадлежала частновладельческому приказчику Акинфия Демидова; наконец, военно-ведомственной. Военные ведомственные власти принадлежали к особой разновидности отраслевого управления, ориентированной на администрирование регулярных и приравненных к ним категорий войск; заняли ведущие позиции в политической системе Сибири в результате преобразований второй половины 40-х гг. XVIII в. Однако в южных областях региона они появились значительно раньше.

В Верхнем Прииртышье стационарно расквартированные воинские подразделения начали дислоцироваться сразу после серии экспедиций конца 1710-х гг., способствовавших возведению группы крепостей. Организация охраны острогов Верхнего Приобья (Бикатунского и Белоярского) на протяжении первых двух десятилетий после их сооружения осуществлялась исключительно иррегулярными силами – посылавшимися из Кузнецка в статусе годовальщиков служилыми людьми во главе с приказчиком. Численность таких отрядов в разное время колебалась от 100 до 30–35 казаков [1, с. 147–150]. К середине 30-х гг. XVIII в. дефицит людских ресурсов для организации охраны сибирских границ стал настолько очевидным, что подтолкнул центральные власти к созданию гарнизонных Новоучрежденного драгунского полка и Тобольского пехотного батальона [2, с. 98–108].

Вскоре после завершения первоначального комплектования полка одна из рот была перебросена

в Кузнецк, откуда сразу же направлена в Бийск в связи с эскалацией напряженности в российско-джунгарской приграничной зоне. Спустя несколько месяцев войсковые соединения этого локального района были усилены за счет переброски еще двух рот под командованием Якова де Граве [2, с. 109]. Подразделения лишь условно дислоцировались в «Бийской крепости», фактически они располагались скорее в «ведомствах» Бийской и Белоярской крепостей, в административных округах соответствующих острогов, образуя полустационарные, стихийные форпосты. В результате российские укрепленные пункты Верхнего Приобья в конце 30-х гг. XVIII в. стали одной из ведущих на юге Западной Сибири площадок для апробации различных способов насыщения крепостных гарнизонов – одновременно иррегулярными и регулярными воинскими частями, а в более широком смысле – полигоном первичной коммуникации военных и гражданских властей местного уровня.

В литературе до сих пор отсутствуют исследования, специально посвященные вопросам взаимоотношений властей различной отраслевой принадлежности в Западной Сибири XVIII в. Советская историография обнаружила осязаемый крен в сторону дихотомии «вольнонародной» и государственной колонизации, определяя в качестве центрального и фактически единственного субъекта-объекта освоенческого процесса «население» региона [3; 4; 5]. Современные специалисты в области административной истории, как правило, концентрируются на изучении опыта построения и функционирования какой-либо одной вертикали власти. М.О. Акишиным с акцентом на соотношении центрального и регионального уровней воссозданы модели самодержавной политики, а также организации гражданского управления Сибири XVIII в. [6]. Схожий характер имеют работы О.Ю. Шаходановой и Д.Н. Гергилева [7; 8]. Институт воевод в системе имперского дискурса представлен в монографиях Е.В. Вершинина и Д.А. Ананьева [9; 10]. Администрирование острогами Верхнего Приобья и крепостями Верхнего Прииртышья до возникновения оборонительных линий проанализировано Д.С. Бобровым [1, с. 110–202]. Феномен горнозаводского управления довольно полно раскрыт А.В. Контевым и В.Б. Бородаевым, они показали принципы построения иерархии власти в период принадлежности «ведомства Колывано-Воскресенских заво-

дов» А. Демидову [11, с. 60–72, 114–130]. Отдельные аспекты взаимоотношения частновладельческих администраторов с гражданскими структурами местного и локального уровня затронуты Д.С. Бобровым [1, с. 122–137; 12, с. 23–29]. Складывание ведомственной вертикали управления после передачи алтайских предприятий под управление Кабинета (его императорского величества) освещено в трудах Т.Н. Соболевой и В.Н. Разгона, А.Н. Жеравиной, А.А. Пережогина [13; 14; 15].

В значительной степени изучен опыт организации воинских частей в Сибири. А.Ю. Огурцов делает акцент на военно-инженерной политике Российского государства, которая рассматривается в качестве самостоятельного механизма освоения южных районов Западной Сибири в XVIII в. на фоне региональных этно- и геополитических процессов [16; 17, с. 40–67]. История создания Сибирских укрепленных линий, а также эволюция их стратегий и практик администрирования в фокусе второй половины XVIII столетия прослежены С.Р. Муратовой [18]. А.С. Зуевым и А.В. Контевым затронуты организационные аспекты перестройки структуры регулярных и иррегулярных войск в регионе [19, с. 22–27; 20, с. 51–56], наконец, А.В. Дмитриевым комплексно реконструированы контингенты, кадровый состав и материальное обеспечение регулярных армейских частей Сибири XVIII в. [2].

Целью настоящей статьи является историко-генетический анализ взаимоотношений в Кузнецком уезде местных гражданских и дислоцированных в конце 30-х гг. – первой половине 40-х гг. XVIII в. ведомственных военных властей с учетом освоенческих и административно-политических процессов. Историко-генетический метод, ключевой в данном исследовании, предполагает изучение изменений в рассматриваемом предмете [21, с. 387–390], т. е. в частном случае – изменений в отношениях разноотраслевых управленческих структур. Источниковую основу изысканий составили подавляющей частью не введенные в научный оборот делопроизводственные материалы из фондов 517 (Кузнецкая воеводская канцелярия) и 1402 (Бийская земская изба (Бийская крепость)) Российского государственного архива древних актов. Наибольший удельный вес среди них занимают воеводские указы и определения, доношения, рапорты, а также требования.

Соединения Новоучрежденного драгунского полка, направлявшиеся в Верхнее Приобье, подлежали определенной ротации, они не находились в районе стационарно расквартированными, что сближало их с годовальщиками. Однако период дислокации регулярных войск был несравнимо большим. В 1738 г. в окрестности Бийска прибыла команда, возглавляемая поручиком Петром Фадеевым [2, с. 109; 22, с. 60–61; 23, с. 93], в подчинении у которого находилась рота недавно образованного полка численностью 100 чел. (30 он сразу должен был отправить в Белоярск), а также 50 кузнецких служилых людей во главе с пятидесятником Тимофеем Бессоновым [17, с. 48]. В начале 40-х гг. XVIII в. командование воинскими подразделе-

лениями в локальном районе было передано капитану Василию Соколову, в подчинении у которого находились поручики Зиновий Прямоглазов, возглавлявший гарнизон Белоярского острога, и Александр Тарасов, руководивший обороной Малышевой слободы¹. Перемены в офицерском корпусе сопровождались неуклонным увеличением численности гарнизонов: в 1743 г. в Бийской крепости дислоцировалось 64 драгуна и солдата (в Белоярской крепости – 56, т.е. всего 110 чел.)². По сведениям А.В. Дмитриева, в 1744 г. в Кузнецке находилось уже 377 военных [2, с. 127] (точнее, на периферийных юго-западных острогах и слободах Кузнецкого уезда). Архивы Бийской крепости дают схожую картину. На рубеже 1744–1745 гг. суммарное число военных в острогах и слободах Верхнего Приобья превысило 300 чел.: в округе Бийска располагалось 202 чел., в Белоярской крепости – 58, в Малышевой слободе – 51 отставной казак³. В результате административных решений конца 30-х – начала 40-х гг. XVIII в. остроги Верхнего Приобья получили существенное ресурсное насыщение в виде регулярных воинских частей, что, безусловно, повышало обороноспособность укреплений и снижало нагрузку с команд служилых людей, но вместе с тем ставило вопрос о разграничении полномочий и сфер ответственности приказчиков и военных командиров.

С.Ю. Исупов рисует эволюционную по своему характеру картину, когда «на смену казачьим приказчикам приходят новые, “регулярные” гарнизонные командиры, управлявшие крепостью с помощью “канцелярии полковых дел”» [24, с. 15]. Однако это утверждение справедливо лишь для второй половины 40-х гг. XVIII в., когда началась следующая, более явная фаза административной перестройки. В конце 1730-х – начале 1740-х гг. приказчики и командиры расквартированных в Бийске полковых рот сосуществовали вместе, так или иначе частично разделяя свои функционалы. Законодательство практически не регулировало эту область отношений. Немногочисленными исключениями являлись губернаторские указы воеводам или воинские инструкции командирам рот, однако и те и другие в реалиях имперской административно-правовой системы XVIII в. имели силу подзаконных актов.

А.В. Дмитриев приходит к справедливому выводу о том, что вплоть до конца 1730-х гг. государственная власть не уделяла специального внимания положению регулярных подразделений на сибирских окраинах [2, с. 111]. В полной мере это характерно и для административного статуса воинских команд, который оставался нечетким.

При направлении в округу Кузнецка П. Фадееву предписывалось всеми силами не допустить разорения юго-западных окраин уезда, для чего определялось драгун и казаков «никуда не респускать и иметь

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1402. Оп. 1. Д. 4. Л. 38 об.

² Там же. Ф. 517. Оп. 1. Д. 119. Л. 3 об.

³ Там же. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 4. Л. 39.

в крепости (Бийской. – Д.Б.) денно и ночно отъезжие караулы, как воинский артикул повелевает» [17, с. 48]. Близким к этому было и положение В. Соколова, который при назначении в Верхнее Приобье получил указ подчиняться Кузнецкой воеводской канцелярии «без всякого отрицания и прекословия». Однако капитан по-прежнему должен был соблюдать и директивы своего военного начальства.

В конце 1730-х – начале 1740-х гг. наиболее важным во взаимоотношениях с гражданскими структурами стал вопрос о снабжении гарнизонных команд. Резолюция Кабинета министров о создании Новоучрежденного полка предполагала среди прочего «провиантом их (офицеров и солдат Новоучрежденного полка и Новоучрежденного пехотного батальона. – Д.Б.) довольствовать и на лошадей овес употреблять из десятинного хлеба» [2, с. 106]. В реалиях Кузнецкого уезда воеводская канцелярия, за редкими исключениями, взяла курс на перекладывание решения этой задачи на приказчиков.

В условиях немногочисленности населения в округе Бийска изначально планировалось направлять провизию из богатой сельскохозяйственными угодьями Малышевой слободы, что вызвало массовые протесты местного податного населения, вылившиеся в фактический саботаж доставки четверикового провианта в Бикатунскую крепость. В коллективной челобитной воеводе крестьяне в резкой форме подчеркивали невозможность соответствующих операций в силу приписки значительного числа населения к Колыванским заводам⁴. В ответ на это уездный администратор Андрей Герасимович Шапошников определил приказчику Бикатунской крепости Тимофею Шестакову «а как ли из Малышевой слободы того правянта и поныне в Бийск не привесено, то да привосу того провианта взять у бийских обывателей заимообразно, а по привосу тот правянт из Малышевской (слободы. – Д.Б.) правянта отдать возвратно немедленно»⁵. Таким образом, речь шла об обязанности приказчика частично изымать хлеб у поднадзорных ему крестьян вплоть до соответствующих поставок.

Административная практика показывала, что такие задержки могли достигать двух–трех лет, что, в свою очередь, порождало недовольство в среде податного населения. Тем не менее состояние неурегулированности вопросов снабжения, характерное для первых лет функционирования в Верхнем Приобье регулярных частей, относительно быстро сгладилось за счет эволюции управленческого подхода. Уже в 1744 г. все тот же А.Г. Шапошников отправил бийскому приказчику 100 руб., предписав «в нынешнее время купит в Бийску у бийского ведомства в деревнях на дачу обретающимся в Бийску на фарпостах драгунам провианту муки ржаной самую настоящею ценою... и оной по требованию обретающегося в том бийском фарпосте командира (В. Соколова. – Д.Б.) производит поме-

сично в дачу без всякого задержания»⁶. Одновременно воеводам удалось установить другой канал снабжения – округа Мунгатского острога (станца), откуда финансировались покупки от 30 до 65 подвод муки и круп (по 15 пуд. каждая) в год⁷.

Однако даже после этих мер проблема обеспечения провиантом и фуражом регулярных частей, располагавшихся в окрестностях Бийска, не была полностью закрыта. Показательным в этом отношении является направленное В. Соколовым местному приказчику С. Гилеву требование, в котором напрямую указывалось на промедления последнего в закупках хлеба и муки, более того, капитан фактически открыто грозил «усилно принуждать» в случае отсутствия позитивной динамики решения вопроса⁸.

Четкой иерархии подчинения не существовало и среди офицеров, командовавших войсковыми соединениями в Верхнем Приобье. После джунгарского набега на Чагырский рудник в 1744 г. и вызванного этим обострения ситуации в междуречье Чарыша и Алея В. Соколов был переброшен в окрестности Колывано-Воскресенских заводов. Кузнецкая уездная канцелярия на время отсутствия офицеров перекладывала важнейшие обязанности и функции (надзор за больными драгунами и их лошадьми, контроль над заготовкой сена, выдачей пороха и свинца, расходом служебного имущества) на плечи приказчиков острогов и слобод⁹. Казалось бы, воеводы в данном случае действовали наиболее рациональным с точки зрения администрирования образом, однако такие решения выглядели как игнорирование оставшихся в обязательном порядке на форпостах поручиков/подпоручиков. Тем самым уездная власть существенным образом повышала роль приказчиков и, как следствие, гражданской власти в административном процессе, одновременно стараясь минимизировать влияние на него военных управленцев.

Таким образом, следует отметить существенные изменения на низовом уровне управленческой иерархии после переброски командующего «кузнецкими» ротами Новоучрежденного полка в окрестности Колыванско-Воскресенских предприятий. Оставшиеся на форпостах при острогах и слободах поручики для принятия важных решений стали обращаться не к капитану – своему непосредственному военному начальнику, а к Кузнецкой воеводской канцелярии, у которой они искали административного покровительства, даже несмотря на то, что та отдавала очевидный приоритет все более рудиментарному институту приказчиков. После отбытия В. Соколова из окрестностей Бийска поручик З. Прямогладов начал жаловаться Кузнецкой воеводской канцелярии на отдельные приказы своего командира: «для некоторого резону отправляется он, капитан (В. Соколов. – Д.Б.), ис Колыванских заводов

⁶ Там же. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 4. Л. 27 об.

⁷ Там же. Ф. 517. Оп. 1. Д. 293. Л. 31.

⁸ Там же. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 4. Л. 48–48 об.

⁹ Там же. Ф. 517. Оп. 1. Д. 293. Л. 4–7.2.

⁴ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 119. Л. 1–1 об.

⁵ Там же. Д. 140. Л. 1 об.

в Кузнецк, и между тем требует, дабы я следовал в Колыванские заводы к команде немедленно»¹⁰. Поручика откровенно смущало отсутствие четких инструкций относительно подобных случаев как от воеводы, так и от войсковых канцелярий, неясность с численностью команды, находившейся в округе Колыванско-Воскресенских предприятий. З. Прямогладов не скрывал своего стремления подчиняться не командиру «кузнецких» рот Новоучрежденного полка, а гражданским уездным властям: «понеже я... в главной команде в Кузнецке воеводской канцелярии, а не у него капитана Соколова, и без определения оной Кузнецкой воеводской канцелярии, без... резону в Колывано-Воскресенские заводы следования не имею до резолюции»¹¹. При этом ранее поручик не осмеливался сомневаться в легитимности аналогичных предписаний о командировке, предъявленных находившимся в Барнаульском заводе Андреем Бэром, и просил уездные власти лишь назначить исполняющего обязанности в Белоярском форпосте на время потенциального отъезда¹².

На уездной власти замыкался контроль над состоянием оставшихся в Верхнем Приобье войск, курированием сенозаготовок и даже снабжением войск лошадьми. В 1745 г. дислоцировавшийся в окрестностях Бийска поручик Осип Свешников на основании существенного падежа лошадей (5 случаев за месяц) обратился к воеводе с просьбой изыскать необходимое количество их для восполнения недостатка. Прошение было удовлетворено: А.Г. Шапошников показательно решил – «временно» выделить лошадей из имевшихся в районе крепости, которые были пригнаны на «корм» из Колывано-Воскресенских заводов¹³.

Наконец, большинство поручиков после отбытия В. Соколова на Колыванские предприятия стали подавать рапорты не в его войсковую канцелярию, а в уездную. Особо выделялся А. Тарасов, который доносил практически о каждом своем, даже самом незначительном шаге: сообщал подробности назначенных капитаном командировок и докладывал о возвращении из них¹⁴, а также почти каждую неделю рапортовал о том, что ситуация «в Малышевском фарпосте обстоит во всяком благополучии, и по разезде из оного фарпосту известиев никаких не имеетца»¹⁵. Подобная практика не могла не возмутить В. Соколова, который в своем представлении в Кузнецкую воеводскую канцелярию подчеркивал: «велено ему (В. Соколову. – Д.Б.) быть над всеми фарпостами командиром и о состоянии де оных как о людех, и лошадех, и об ружье, и амуниции в Кузнецкую воеводскую канцелярию репортовать, а от фарпостных камандиров репортов де не получаю»¹⁶. Ситуацию удалось несколько сгладить лишь после ука-

за А.Г. Шапошникова поручикам подаваемые воеводе рапорты дублировать капитану.

Установившаяся во многом гипертрофированная модель коммуникаций низовых структур власти в Кузнецком уезде просуществовала крайне недолго. Уже в середине 1745 г. в округу Бийской крепости был направлен капитан Аврам¹⁷ Бибииков, который постарался в максимально короткие сроки централизовать управление расквартированными в Верхнем Приобье ротами Новоучрежденного полка. В отношении с Кузнецкой воеводской канцелярией он сразу перешел к практике настоятельных «требований». В центре взаимоотношений оказались вопросы ликвидации долгов по выдаче провианта, снабжения солью и строительными ресурсами для выполнения текущих инженерных задач.

Наиболее острые противоречия вызвала проблема соли. Кузнецкие воеводы всегда весьма строго относились к хранению и выдаче соли, что проявилось ранее в 1737 г. в ходе острой административной дискуссии прежнего уездного управителя Артема Федоровича Бартенева с частновладельческими колыванскими приказчиками А.Н. Демидова [12, с. 25–26]. В связи с этим А.Г. Шапошников также отнюдь не горел желанием снабжать гарнизонные команды А. Бибиикова солью, ссылаясь на то, что «на показанные команды Ея Императорского Величества из Сибирской губернской канцелярии указов и генералитетских ордеров (от генерал-майора Х.Х. Киндермана. – Д.Б.) не имеетца, да и на прежния обретающиеся в Кузнецке команды той соли давано не было»¹⁸. Однако новый командир «кузнецких» рот Новоучрежденного полка не принял такого отказа и действовал решительно. По всей видимости, он обратился к командиру Верх-Иртышских крепостей Тимофею Зарину с просьбой повлиять на несговорчивого кузнецкого воеводу. В промемории полковник потребовал от А.Г. Шапошникова выдать муку, крупы и соль на подразделения, расквартированные в укреплениях по Иртышу, подразумевая, что часть соли будет передана «кузнецким» ротам¹⁹. Однако даже привлечение столь высокопоставленного и авторитетного лица, как Т. Зарин, не дало мгновенных результатов: воеводская канцелярия не спешила что-либо предпринимать, ссылаясь на отсутствие соответствующих ордеров от Х.Х. Киндермана. В дальнейшем тема соли на полтора месяца выпала из фокуса административного курса, лишь в самом конце 1745 г. А.Г. Шапошников, находясь под жесточайшим прессингом военных властей, предписал «сол требуемое число тритцат фунтов отпустить»²⁰.

Еще до разрешения вопроса с солью А. Бибииков усилил давление на уездные власти. В другом требо-

¹⁰ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 293. Л. 2.

¹¹ Там же. Л. 2 об.

¹² Там же. Л. 1.

¹³ Там же. Л. 8.

¹⁴ Там же. Л. 45.

¹⁵ Там же. Л. 32–33.

¹⁶ Там же. Л. 37.

¹⁷ В некоторых источниках он упоминается как «Андрей», хотя сам подписывался «Аврам».

¹⁸ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 288. Л. 11.

¹⁹ Там же. Л. 42–42 об.

²⁰ Там же. Л. 50 об.

вании в Кузнецкую воеводскую канцелярию в октябре 1745 г. он предъявил, «чтоб повелено было на строение оным касенным драгунским подемым лошадям на конюшины отпустить... лесу без замедления»²¹. Градус дискуссии явно накалялся, поскольку А.Г. Шапошников представил ответ в откровенно раздраженной манере: «по справке имеетца лесу, при реке на берегу приуготовленного кузнецкими обывателями на строение магазинов, и то малое число, и оной потребен к тому магазинному и городовому строению, а кроме того лесу в Кузнецку не имеетца... Того ради, вашему благородию, за известие общаетца и при сем же объявляетца, что покасанного имеющегося приуготовленного лесу на строение конюшен отправит невозможно... и ежели оной лес на строение конюшен отдат, а оной потребен будет... касенные поделки тогда уже оно до вешнего времени, и всят бе де негде, и тако во оном последует остановка. К тому же на строение означенных конюшен потребного лесу должно дабычею в Кузнецк поставит драгунами, а не от Кузнецкой воеводской канцелярии требовать, и господин капитан Бииков о вышеписанном благоволит быть известным»²².

В выстраивании линии и динамике взаимоотношений гражданских и военных структур в Кузнецком уезде в конце 30-х – середине 40-х гг. XVIII в. следует выделить несколько ведущих тенденций. Прежде всего, это скрытая конкуренция между административными институтами различной отраслевой принадлежности. Транслировавшийся центральными, а также региональными властями и перманентно нараставший приоритет военно-ведомственного управления заставлял глав уезда, пользуясь отсутствием четких законодательных разграничений, оказывать давление на военных командиров с целью сохранения собственных статусных позиций. Однако исход этого противостояния зависел от личного присутствия капитанов «кузнецких» рот в пределах Кузнецкого уезда. Курс руководителей воинских команд в Верхнем Приобье в отношении воевод не был до конца последовательным и напрямую зависел от личности конкретного командира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобров Д.С. Политико-правовые механизмы освоения Российским государством Верхнего Обь-Иртышья (Алтай) в первой половине XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук; Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2017. 252 с.
2. Дмитриев А.В. Русская регулярная армия в Сибири (1725–1796): особенности военной службы на «восточной окраине» Российской империи в XVIII столетии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 528 с.
3. Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и сельскохозяйственное освоение. Новосибирск: Наука, 1965. 265 с.
4. Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1973. 440 с.
5. Быкоя Г.Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в. (формирование военно-бюрократического дворянства). Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1985. 300 с.

²¹ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 288. Л. 16.

²² Там же. Л. 19.

тического дворянства). Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1985. 300 с.

6. Акишин М.О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в.: структура и состав государственного аппарата. М.; Новосибирск: Древлехранилище, 2003. 408 с.

7. Шаходанова О.Ю. Центральные и местные органы управления Западной Сибирью в конце XVI – начале XVIII вв.: дис. ... канд. ист. наук. Тюмень: Тюм. гос. ун-т., 2000. 190 с.

8. Гергиев Д.Н. Развитие системы административного управления Сибирью в XVIII – первой трети XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2010. 30 с.

9. Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург: «Развивающее обучение», 1998. 203 с.

10. Ананьев Д.А. Воеводское управление Сибири в XVIII в. Новосибирск: Сова, 2005. 264 с.

11. Бородаев В.Б., Контев А.В. У истоков истории Барнаула. Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2000. 336 с.

12. Бобров Д.С. Колыванские заводы в политике кузнецких воевод во второй четверти XVIII в. // Вестник Кем. гос. ун-та. 2017. № 4. С. 23–29. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-4-23-29.

13. Соболева Т.Н., Разгон В.Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.): управление и обслуживание. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. 258 с.

14. Жеравина А.Н. Кабинетское хозяйство в Сибири (1747–1861 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 322 с.

15. Пережогин А.А. Военизированная система управления Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747–1871 гг.). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 264 с.

16. Огуцов А.Ю. Военно-инженерная политика России на юге Западной Сибири в XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск: Ин-т истории и археологии УрО АН СССР, 1990. 23 с.

17. Огуцов А.Ю. На Кузнецкой линии // Кузнецкая старина. 2007. Вып. 9. С. 40–67.

18. Муратова С.Р. Сибирские укрепленные линии в XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук; Уфа: Башкирский гос. ун-т, 2007. 241 с.

19. Зуев А.С. Штатная реформа сибирского казачества 1737 г. // Вестник Новосибир. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2007. Т. 6, вып. 1. С. 22–27.

20. Контев А.В. Формирование вооруженных сил на Иртышской пограничной линии в середине 1740-х гг. // Вестник Кем. гос. ун-та. 2016. № 4. С. 51–56. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-51-56.

21. Теория и методология истории: учебник для вузов / отв. ред. В.В. Алексеев, Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Л.Е. Гринин. Волгоград: Учитель, 2014. 504 с.

22. Исупов С.Ю. Крепость Бийская – есть главная... Барнаул: Азбука, 2009. 302 с.

23. Исупов С.Ю. Роль Бийской крепости в военно-колонизационной политике Российской империи на Алтае в первой половине XVIII в. // Известия Алт. гос. ун-та. Сер.: история, политология. 2010. № 4, т. 3. С. 91–94.

24. Исупов С.Ю. Приказчики и коменданты Бийской крепости // Бийские градоначальники: исторические очерки. Бийск: Типография БПГУ, 2002. С. 11–21.

REFERENCES

1. Bobrov D. S. Political and legal mechanisms of developing the Upper Ob-Irtysh area (Altai) by the Russian state in the early XVIII century: dissertation. Barnaul, 2017, 252 p. (In Russ.)
2. Dmitriev A. V. Russian regular army in Siberia (1725–1796s): soldiery features at eastern outskirts of the Russian Empire in the XVIII century. Moscow, Saint Petersburg, 2017, 528 p. (In Russ.)
3. Gromyko M. M. West Siberia in the XVIII century. Russian population and agricultural development. Novosibirsk, Nauka, 1965, 265 p. (In Russ.)
4. Kolesnikov A. D. Russian people of West Siberia in the XVIII – early XIX centuries. Omsk, Zap.-Sib. kn. Izd-vo, 1973, 440 p. (In Russ.)

5. Bykonya G. F. Russian tax-exempt population of East Siberia in the XVIII – early XIX centuries (formations of the military bureaucratic nobility). Krasnoyarsk, Izd-vo Krasnoyar. Un-ta, 1985, 300 p. (In Russ.)
6. Akishin M. O. Russian absolutism and administration of Siberia in the XVIII century: structure and stuff of the state machinery. Moscow, Novosibirsk, Drevlekhranilishche, 2003, 408 p. (In Russ.)
7. Shakhodanova O. Yu. Central and local governing bodies in West Siberia in the late XVI – early XVIII centuries: diss. Tyumen, 2000, 190 p. (In Russ.)
8. Gergilev D. N. The administration management system development in Siberia in the XVIII –first third of XIX centuries: diss. abstr. Kemerovo, 2010, 30 p. (In Russ.)
9. Vershinin E. V. The voivode governance in Siberia (the XVII century). Ekaterinburg, Razv. obucheniye, 1998, 203 p. (In Russ.)
10. Anan'ev D. A. The voivode governance in Siberia in the XVIII century. Novosibirsk, Sova, 2005, 264 p. (In Russ.)
11. Borodaev V. B., Kontev A. V. The early history of Barnaul. Barnaul, Alt. poligr. Kombinat, 2000, 360 p. (In Russ.)
12. Bobrov D. S. Kolyvan plants in the policy of Kuznetsk voivodes in the second quarter of the XVIII century. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no. 4, pp. 23–29. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-4-23-29. (In Russ.)
13. Soboleva T. N., Razgon V. N. Essays on the history of Cabinet economy in the Altai (the late XVIII – early XIX century): management and maintenance. Barnaul, Izd-vo Alt. gos. Un-ta, 1997, 257 p. (In Russ.)
14. Zheravina A. N. The cabinet household in Siberia (1747–1861). Tomsk, Izd-vo Tom. Un-ta, 2005, 322 p. (In Russ.)
15. Perezhogin A. A. The militarized administration system of the Kolyvan-Voskresensk (Altai) mining district (1747–1871). Barnaul, Izd-vo Alt. gos. Un-ta, 2005, 262 p. (In Russ.)
16. Ogurtsov A. Yu. Military and engineering policy of Russia in southern West Siberia in the XVIII century: diss. abstr. Sverdlovsk, 1990, 260 p. (In Russ.)
17. Ogurtsov A. Yu. At the Kuznetsk Line. *Kuznetskaya starina*, 2007, no. 9, pp. 40–67. (In Russ.)
18. Muratova S. R. Siberian fortified lines in the XVIII century: diss. Ufa, 2007, 241 p. (In Russ.)
19. Zuev A. S. A regular reform of the Siberian Cossacks in 1737. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serya: istoriya, filologiya*, 2007, no. 6, pp. 22–27. (In Russ.)
20. Kontev A. V. Formation of military forces at the Irtysh boundary line in the mid-1740s. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, no. 4, pp. 51–56. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-51-56. (In Russ.)
21. Alexeev V. V., Kradin N. N., Korotaev A. V., Grinin L. E. (eds.) Theory and methodology of history: a textbook. Volgograd, Uchitel', 2014, 504 p. (In Russ.)
22. Isupov S. Yu. Biysk fortress is the main one. Barnaul, Azbuka, 2009, 302 p. (In Russ.)
23. Isupov S. Yu. Place of the Biysk fortress in the military and colonizational policy of the Russian Empire in Altai in the early XVIII century. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Serya: istoriya, politologiya*, 2010, no. 4, pp. 91–94. (In Russ.)
24. Isupov S. Yu. Biysk Fortress prikazchiks and commandants. *Biyskie gradonachal'niki: istoricheskie ocherki*. Biisk, 2002, pp. 11–21. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 30.09.2019